

Нормальное безумие

«ФЕСТИВАЛЬ ФЕСТИВАЛЕЙ» В ДОМЕ КИНО
сортирует **ТАТЬЯНА АЛЕШИЧЕВА**

«Антихрист», Ларс фон Триер, 2009

ПРОГРАММА
ОБШИРНА
И РАЗНООБРАЗНА,
ВСЕ ОХВАТИТЬ
ТРУДНО,
НО СОРИЕНТИРОВАТЬСЯ МОЖНО

СЕМНАДЦАТЫЙ «ФЕСТИВАЛЬ ФЕСТИВАЛЕЙ» традиционно берет на себя миссию за неделю представить фильмы, отобранные другими международными конкурсами, то есть показать лучшее. Программа обширна и разнообразна, все охватить трудно, но сориентироваться можно. Прежде всего, на национальные ретроспективы. Покажут традиционно сильное чешское кино разных лет, начиная с самого раннего периода. Настоящий раритет и жемчужина немого кино — «Эротикон» Густава Махаты. Киноманам Махаты известен как автор легендарного «Экстаза», где будущая звезда Голливуда безупречная красавица Хэди Ламар появилась на экране обнаженной. Для того времени подобная смелость была прорывом, но дело не только и не столько в ней. Махаты совершенно новаторским образом использовал в фильме параллельный монтаж, развивая метафорику киноязыка и комбинируя образы, которые раньше просто никому не приходило в голову сопоставлять. Например, перемежая любовные сцены кадрами, где скачут лошади. Махаты снял фильм в 1933 году. На фоне этого скандального хита «Эротикон» (1929) известен

меньше. Несмотря на интригующее название, никакой обнаженки там нет. Но уже присутствуют зачатки той метафоричности, которая позже развернется по полной в «Экстазе». На первый взгляд — типичная история про «соблазненную и покинутую»: молодой хлыщ, отставший от поезда, переночевал в доме путевого обходчика, без зазрения совести растлил его невинную дочь и был таков. Та родила мертвого ребенка и, отстрадав положенное, вышла-таки замуж, но жизнь не наладилась — она снова встретила рокового мужчину, потому что рок — он на то и рок. Сцену соблазнения Махаты снял на крупных планах, виртуозно чередуя позы и жесты любовников с поэтичными кадрами, где дождевая вода впитывается в землю. Надо видеть, какими скупыми, но точными средствами обходилось немое кино для изображения эмоций. Подобная филигранность утеряна, и на ее фоне теперешнее изображение чувств большей частью смотрится как мазня в сравнении с каллиграфией.

Герой нового чешского кино Петр Зеленка, уже известный у нас по «Хроникам обыкновенного безумия», снял год

назад «Карамазовых»; как всегда у Зеленки, абсурд мешается с необычайной серьезностью. Достоевского изображает в кукольном театре плюшевый зверек синего цвета, который во время эпилептического припадка дрожит ушами, а в итоге создает великие творения. Убитый Карамазов по ходу спектакля авангардистской труппы встает из гроба, опрокидывает с сыновьями по маленькой и заводит разговор о смысле всего сущего. Сама пьеса разыгрывается в декорациях сталелитейного завода, похожих на адское горнило, для единственного зрителя — subtilного пришибленного горем рабочего, ребенок которого в результате несчастного случая оказался между жизнью и смертью. И вся эта фантазмагория выкруливается на вполне достоевский финал. Зеленка выхолостил пафос, которым давно обросла свинцовая классика, но сохранил смысл — это все те же богоборческие искания и проклятые вопросы, пусть в индустриальных декорациях и даже с шутками-прибаутками. Также участвует в ретроспективе абсурдистская комедия Веры Хитиловой, снятая много позже ее знаменитых сюрреа-